

УДК 316.733:39:572.028

ОСНОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ВОССОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ КАК ФАКТОРА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Власова Елена Сергеевна,
zhdanova1987elena@mail.ru

Ланкин Вадим Геннадьевич,
lankinvg@mail.ru

Томский государственный архитектурно-строительный университет,
Россия, 634003, г. Томск, пл. Соляная, 2.

Власова Елена Сергеевна, аспирант кафедры философии Томского государственного архитектурно-строительного университета.

Ланкин Вадим Геннадьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Томского государственного архитектурно-строительного университета.

***Актуальность.** Современные процессы интенсивной культурной динамики ставят под вопрос сохранение культурной преемственности и антропологической идентичности. Между тем, осознание смысловой и культурной идентичности – основа человеческого благополучия, выражаемого в индексах потенциала личностного развития. При этом одним из главных факторов антропологической и социальной идентичности является наличие культурной традиции. Именно благодаря этой форме исторической трансляции опыта осмысления система координат культуры сохраняет самоидентичность, а культурная динамика обретает качество имманентного развития.*

***Цель работы:** дать философско-культурологическое обоснование феномену воссоздания традиции (обращения к традиционным формам деятельности после долгого периода их забвения и утраты) и осмыслить конкретные проблемы, которые возникают в современном обществе в процессах такого воссоздания (аспекты мотивации и оснований для преемственности, аутентичности и стилизации, подражания и творческого претворения, адекватной смысловой интерпретации и модернизации). **Методы исследования:** концептуальный анализ, типологическая систематизация, компаративные сопоставления. **Выводы:** традиция – это не только форма преемственности и фактор трансляции культуры, но и стержневое основание развития культуры, так как она содержит аспект активного восприятия, предполагает момент претворения и включает такой вариант воспроизведения, как воссоздание после частичной утраты. Трансляция культурных смыслов через традицию знаменует такой способ развития, где доминирует идентичность и проявляются черты цикличности. Основой для воссоздания традиции служит культурно-смысловой тип, определяющий рождение смыслов культуры и их идентичность в историческом времени. Язык – это непрерываемая структура, воспроизводящаяся традиционным способом и поэтому являющаяся фактором сохранения культурной традиции. Такой функцией обладает не только язык слов, но и невербальные языки (как вариант – язык музыки).*

***Ключевые слова:** Традиция, культурно-смысловой тип, идентичность, словообразование, язык искусства, русская музыка.*

Идентичность – изначально психологическое понятие. В психологии это эффект сохранения личностью тождества с собою как именно этой личностью в процессе самых разнообразных жизненных изменений. Если мы посмотрим на портреты младенца

двух лет и старика 80 лет, то увидим два совершенно разных лица, однако это одна и та же личность на разных этапах своего развития. Что сохранилось при этом? Видимо, качество самосознания и некоторые образы памяти, причем последние – в измененном, переосмысленном виде. Но если представить, что фактор тождества ускользает полностью, то законно возникнет вопрос, имело ли место именно развитие или перед нами феномены некой смещающей динамики, флуктуации. Очевидно, что понятие идентичности выходит за рамки психологии и имеет важное антропологическое значение. Но столь же важным это понятие оказывается и в области развития культуры и общества. Невозможно обосновать эволюцию культуры и развитие общества, если существенные изменения придется трактовать не как разные состояния этой культуры и этого общества, образующие, таким образом, линию развития, а как перетекание одной культуры в другую культуру, одного общества в другое. Такие переходы следовало бы интерпретировать как некоторые эффекты динамики, но нельзя было бы идентифицировать как именно эволюционные преобразования. В этом и суть отличия вообще динамики от собственно развития, флуктуации – от эволюции. Идентичность – это основа эволюционных процессов как таковых. При этом понятно, что понятие идентичность не выражает статики, но представляет систему координат динамики. Оно указывает на некоторую основу, допускающую изменения, – основу, на которой изменения могут надстраиваться, из которой они могут исходить как из внутреннего источника и некоторые важные свойства которой они будут сохранять. Дерево, вырастающее из семени, сохраняет и воспроизводит генотип, а привитая ветка – нет. Первое – это пример развития, второе – нет.

Человеческое благополучие – это довольно сложный контекст факторов, отнюдь не сводящийся к экономическим аспектам. Благополучие – это не столько эффект максимизации, выражаемый критерием эффективности, сколько сфокусированный контекст оптимальности, в котором сочетаются как факторы материальных ресурсов, так и факторы смысловой коммуникации, как факторы системной организации, в которую включен человек, так и факторы психологической адаптации в социальной среде. Благополучие достигается не в измерении «эффективного общества», а в сложной метрике гармоничного общества и органичной культурной среды – на основе антропологического измерения человеческой идентичности и личностного развития, на которые как на цели и должны быть сориентированы гармонизация социальных взаимодействий и организация среды культурной коммуникации. Человек не будет считать себя благополучным, если будет находиться в хаотически меняющейся среде взаимодействий, в изменяющихся смысловых координатах, особенно при такой скорости их изменения, когда преобразование смысла рискует обернуться нарастающим нонсенсом. Человек не может ощущать себя благополучным, если его потребность в личностном развитии и культурно-смысловой идентичности как его основе будет редуцирована. Осознание смысловой и культурной идентичности – основа человеческого благополучия, выражаемого в индексах потенциала личностного развития.

Представляется, что одним из главных факторов антропологической и социальной идентичности является наличие культурной традиции. Именно благодаря этой форме исторической трансляции опыта осмысления система координат культуры сохраняет самоидентичность, а культурная динамика обретает качество имманентного развития. При этом, впрочем, важно не представлять традицию как исключительное проявление статики культуры, а понять ее как особую форму динамики, логика которой определяется как передачей, так и восприятием, как поддержанием, так и трансформацией, как утратой, так и воссозданием.

В связи с этим неудивительно, что проблематика, связанная с культурной традицией, представляется сегодня актуальной в самых разных аспектах, имеющих не столько этнографическое, сколько философское значение – в плане нового концептуального осмысления [1, 2], модальности существования и функционирования в обществе [3, 4], соотношения с тенденциями глобализации и модернизации [5–7].

При этом сегодня слова «традиция», «традиционность» употребляются в самых разных контекстах. Категориальное значение этих понятий определяется зачастую логикой бинарных противопоставлений: инновационное–традиционное, динамичное (развивающееся) – статичное, революционное–консервативное, модернизированное–архаичное. Часто можно встретить негативный подтекст в употреблении слова «традиция», которое связывается исключительно со статикой, инерцией развития культуры. Так ли это на самом деле? Что выражает понятие традиции в качестве различающей категории – только ли аспект статики культуры или некоторую форму ее динамики? С этим связан и особый вопрос о феномене воссоздания традиции, то есть обращения к традиционным формам деятельности после долгого периода их забвения и утраты. И этот вопрос сам порождает ряд вопросов: Что побуждает сообщества стремиться к возрождению полностью или частично утраченных традиций? На чем держится идентичность культуры, ее своеобразие при очевидном процессе существенных исторических изменений – что создает достаточные условия их воссоздания в восстанавливаемых традиционных формах?

Таким образом, цель данной работы: дать философско-культурологическое обоснование феномену воссоздания традиции – обращения к традиционным формам деятельности после долгого периода их забвения и утраты. В связи с этим представляется необходимым осмыслить конкретные проблемы, которые возникают в современном обществе в процессах такого воссоздания: аспекты мотивации и оснований для преемственности, достаточности условий и источников, аутентичности и стилизации, подражания и творческого претворения, адекватной смысловой интерпретации и модернизации. Обращаясь к данным вопросам в этой статье, мы будем рассматривать в качестве примера музыкальную традицию русской культуры.

Понятия «традиция» содержит в себе два значения: содержание и способ коммуникации. Причем трудно установить, какое из них первично, а какое вторично. Традиция (от лат.) – предание (слав., рус.) – всегда означала и способ передачи культурных образцов (в противовес, например, писанию – форме письменных текстов), и некий конкретный контент (толкования, обычаи, ритуалы и т. д.). Два этих значения слова связаны и почти слитны. Мы будем использовать оба значения. Но при этом будем слитности их избегать, обращая внимание, в каком именно отношении и значении берется данное понятие. Дело в том, что когда речь идет о таких факторах, как идентичность и самобытность культуры или ее типологическое своеобразие, то очевидно, что традиция предстает здесь со стороны смыслового содержания, которое она в себе несет. Когда же важно рассмотреть процессы формирования, утраты и восстановления традиции, это понятие раскрывается именно и прежде всего как способ трансляции культурных смыслов.

Облик культуры, ее наполнение и идентичность в череде стремительных исторических изменений определяются содержанием традиции. Существует несколько точек зрения, что может являться содержанием традиции. Традиция интерпретируется как архетипы и ментальные особенности народа (С.С. Хоружий), как духовные качества, регламентируемые и адаптируемые для данного общества (И.В. Суханов), как нематериальное ядро и набор ключевых истин, которых придерживается социум

(Д.М. Володихин). В феномене традиции выделяют две области: статичную, неизменную, но передаваемую из поколения в поколение (ценности, духовные смыслы, верования), и претерпевающую изменения во времени, поливариантную (обычаи, ритуалы, обряды и т. д.) (Э. Шилз, И.В. Суханов). Изменяемая зона традиции может варьироваться от века к веку, от поколения к поколению. Формы традиции с течением времени могут наполняться иным содержанием, лишь только внешне принадлежать традиции или же, теряя свою актуальность, упраздняться вовсе.

Таким образом, все перечисленные исследователи сходятся во мнении, что в традиции имеется некий стержень, зерно, основание которого сосредоточено в первую очередь в духовной сфере. Оно статично или более всего устойчиво к изменениям. Этот стержень служит основанием как для формирования духовных смыслов и ценностей традиции, так и улавливается в ее изменяемой части – обрядах, ритуалах и т. д.

Трансляция традиционных форм может иметь ряд вариантов, некоторые из которых предстают как сложные и противоречивые:

1. Традиция передается из поколения в поколение в относительно неизменном виде – как фактор стабилизации культурного развития, упрочения культурной идентичности. Этот вариант трансляции традиции наиболее распространен и собственно соответствует изначальному смыслу слова традиции – предание. Примером такого течения традиционного способа воспроизведения культуры могут служить первобытные общества, фольклор и в целом народная художественная традиция в относительно изолированных от инородного культурного влияния ареалах, а также сообщества, намеренно уходящие от общения с инородным влиянием: общества Тибета и других гималайских стран, Японии эпохи Токугава, русских старообрядцев или, отчасти, еврейских гетто европейских городов и др.

2. Традиция может трансформироваться. В этом случае изменения затрагивают не только некоторые детали ритуалов, фольклорных форм или ментальных стереотипов, а, как правило, смысловое значение, которое придается им. Происходит частичное переосмысление этого значения, а в связи с этим некоторое, порой незаметное, изменение культурных функций традиционных форм, но при относительно хорошо сохраняющихся их внешних проявлениях и признаках. Это происходит тогда, когда меняются доминирующие способы мышления и деятельности в культуре, появляются новые феномены культуры, которые берут на себя некоторые главные функции, меняя тем самым характер осуществления этих функций и характер всей культуры в целом, вся система которой при этом отчасти меняется. Это может происходить в результате появления новых технологий выражения и понимания мысли – как в случае, когда возникает и развивается письменность. Но такое может происходить и в результате инокультурного влияния, привносящего новые верования, новые формы деятельности, но не переключившие традиционный образ жизни в целом.

3. Традиция может утрачиваться. Как правило, процесс утраты традиции длителен и затрагивает обе ее зоны – и изменяемую, и центральную. По отношению к изменяемой зоне нарушается и кардинально видоизменяется социокультурная функция существования традиции, впоследствии как бы «опустошающая» ее, подменяющая ее содержание. Когда утрата касается центральной зоны, трансформируется, а чаще и подвергается забвению ее ценностно-смысловая система, иначе выстраивается иерархия ориентиров и трактовка значений. Значения могут перестать пониматься или же истолковываются совсем по-новому. При этом полностью или частично утрачиваются и сами образцы. Но, между тем, утрата традиции – это необязательно полное забвение или совершенное исчезновение образцов. Довольно часты примеры частичной утраты.

4. Традиция может восстанавливаться – реконструироваться. Это означает, что после большого промежутка времени, после смены поколений, утративших традицию, возникает потребность и открываются некоторые возможности для ее восстановления. Часто мотивом для такого восстановления выступает стремление легитимировать и упрочить культурную идентичность. Процесс реконструкции традиции неизбежно будет наталкиваться на ряд проблем. Иногда в ходе подражания восстанавливаются не только некогда забытые традиционные формы деятельности, но и смысл их осознания и использования. Но порой истолкование реконструируемых форм отличается от не вполне ясного и достижимого аутентичного понимания – и ведется противоречивый и часто неточный в его результатах поиск признаков такой аутентичности. Сами восстанавливаемые формы тогда могут носить фрагментарный характер, характер стилизованных мотивов, которые встраиваются в новое, по сути смысловое, целое. Но в любом случае проекты реконструкции традиции рискованны: их результаты всегда в той или иной степени будут удалены от утраченного аутентичного первообраза. Степень же и мера такой близости-удаленности подлежит качественной дифференциации и типологической систематизации – от максимальной близости к аутентичному образцу в качестве принципиальной установки до свободного претворения отдельных мотивов аутентичного характера новыми средствами, способными в некотором приближении передать общий дух традиционных форм культуры так, как он представляется человеку эпохи реконструкции.

Именно восстановление утраченной или частично утраченной традиции представляется довольно сложной культурологической проблемой. Здесь возникает ряд вопросов: Что побуждает к восстановлению утрачиваемой традиции? Что может выступить основой, позволяющей возродить традицию, которая утрачена?

Такая практика имеет место в истории. Более того, значение такой практики повышается сегодня, в условиях борьбы между глобализмом, стирающим культурные различия, и идентичностью культур, некогда имевших выражение в традиционных формах. Теоретическое же обоснование такой практики и представляет проблему: общество не в полной мере контролирует такие процессы и, видимо, не в полной мере осознает их смысл и значение. Утрачивая конкретные традиционные формы, культура не утрачивает своей идентичности. На чем же тогда (в таких случаях) основывается эта идентичность? Это особый вопрос, явно выводящий указанную проблему за рамки собственно только темы традиции и заставляющий рассмотреть культуру как систему, точнее, как смысловое целое, проявлениями которого выступают традиционные формы и одним из способов трансляции которого выступает традиционная преемственность. Здесь, на наш взгляд, коренится ответ на вопрос, почему традиция либо может, либо не может противостоять стремительным культурно-историческим изменениям, либо активно восстанавливаться в лоне культуры, не утрачивающей своей идентичности.

У этой проблемы есть и еще одна сторона: восстановление традиционных форм – это проблема и для освоения культурного наследия. Может ли считаться реконструированная форма фактором наследия – то есть того, что мы получили и, в свою очередь, передаем потомкам? Здесь ключевой вопрос – критерий и мера аутентичности. Если культурная форма утрачена и воссоздана, то аутентичности в абсолютном смысле, очевидно, нет. Но при этом проявляется целый спектр факторов, отражающих меру аутентичности при воссоздающем претворении традиции. И остро стоит вопрос о том, что может служить эталоном подлинности культурной традиции?

Все перечисленные вопросы затрагивают проблему сохранения некоего ядра, а точнее, здесь уместно сказать, зерна культуры при утрате множества ее образцов и

форм, из которого могут пойти ростки восстановления. Вряд ли можно предположить, что мотивов и оснований к восстановлению традиции будет достаточно, если сведения о ней смогут поступать только из исторических документов, сохранившихся памятников – из сферы культурно-исторической археологии. Превратить археологию в живое культурное воспоминание невозможно на основе только археологии. Архивы и памятники оказываются востребованными в качестве образцов для восстановления культуры, только если есть фактор базовой преемственности, пусть в рассматриваемых нами явлениях скрытый, латентный. При этом существование и действие такого фактора нельзя усмотреть на поверхностном уровне частных цивилизационных проявлений. Он должен быть глубинным и общим (универсальным).

Идентифицировать фактор глубинной преемственности позволяет подход к пониманию типологических различий культуры на основе концепта «*смыслообразование*»: типы культур отличны прежде всего тем, что в их основе лежат разные способы образования смысла.

Стержень культурной традиции базируется не только на факторах организации коммуникации, своеобразии этнической психологии и менталитета. Эти факторы глубже, чем конкретное содержание текстов культуры, поскольку лежат в основе процессов продуцирования текстов. Эти факторы, в свою очередь, базируются на способах образования смысла, пронизывающих весь опыт культуры как опыт осмысления и переосмысления естественного человеческого существования. В них проявляется ключевые особенности направленности смыслового дискурса, характерного для данной культуры, – направленности довольно устойчивой и типологически определенной, поддерживаемой в таком качестве многими факторами – от идейной рефлексии и мировоззренческих установок, зачастую связанных с традиционными верованиями и религиозными учениями, до факторов, связанных с устойчивыми условиями ведения хозяйства, экономического обмена и геополитической обстановки. Все эти факторы взаимосогласуются во многовековом опыте культуры – и в этом синергетическом процессе приводят к кристаллизации культурно-смыслового типа с присущей ему внутренней феноменальной структурой осмысления и переосмысления действительности.

Данная методология выделения культурно-смысловых типов опирается на понимание культуры как системы смысла, как опыта осмысления и переосмысления естественного существования человека, задающего образ достойного человеческого существования. Опыт такого переосмысления всегда отличен от простых параметров человеческой природы. В нем коренятся и варианты отличия образов человеческого достоинства, характерных для разных культурно-смысловых типов. Все прочие элементы в системе культуры – ее тексты, артефакты, свершения в такой концепции с позиции такого подхода – не что иное как способы и формы выражения и понимания смысла. При этом развитие смысла культуры согласуется с иерархией трех сфер – трех разных способов образования смысла – рационального, мистического и эстетического [8]. В разном иерархическом соотношении они образуют различные смысловые системы, соответствующие разным типам культур (разным цивилизациям), определяя ядро центральной, неизменяемой зоны культурной традиции. В сочетании с особенностями мировоззрения, мировосприятия народа складывается содержание, смысловое поле центральной, неизменной зоны культурной традиции. Сформированные на его основе формы выражения и понимания смысла, образцы и стереотипы той или иной национальной культуры являются как бы вторичными по отношению к культурно-смысловому типу, зависят от него, согласованы с ним. Дополненные смыслами и ценностями, сложившимися в результате особенностей менталитета, пройдя проверку временем, передавае-

мый из поколения в поколения весь этот пласт становится центральной зоной культурной традиции, которая определяет облик культуры.

В контексте культурно-смыслового типа самобытность традиции определяется национальными особенностями интерпретации смыслов культурного, системообразующего стержня. Закрепляясь в культуре того или иного народа, именно культурно-смысловой тип становится ее центром, «неизменной зоной», определяет ценности и смыслы данного общества.

Для культурного типа Восточной Европы, куда можно отнести Византию, Россию и ряд балканских стран православной традиции, иерархия такова: мистическое–эстетическое–рациональное. Доминирующей сферой в этом типе является сфера мистического, она пронизывает сферу эстетического и довлеет над сферой рационального. Для этого типа культуры главным является такой способ образования смысла, когда его центром оказывается смыслообразующее *Другое*. Его верно было бы идентифицировать как гетерономный, или, пользуясь концептом Г.С. Батищева, как «другодоминантный». Концепты, характеризующие этот способ, встречающиеся в литературе, – «другодоминантность», «гетерономность». Мы используем в данном случае концепт «мистический», поскольку основной формой проявления этого способа образования смысла является в этом типе культуры религия, религиозное сознание (вполне отдавая при этом себе отчет, что понятие «мистическое» шире понятия «религиозное»). Смыслообразующее *Другое* представлено здесь как объективное бытие, открывающееся субъективному началу, давая ему возможность вписаться в этот объективный смысл и напрямую обратиться и приобщиться к Бытию, принимаемому не в качестве предмета, а в качестве источника бытия и дающегося откровения. Определяющим стержнем данного культурно-смыслового типа явилась вера, источником веры – откровение, обретение смысла – представляется чудом, не зависящим прямо от усилий человеческого разума. Но эстетический способ смыслообразования соучаствует в феноменальной структуре, характерной для этого культурно-смыслового типа, вместе с мистическим. Он носит при этом как бы вспомогательный характер: эстетическое любование и переживание не самоценны, но призваны открыть душу для обретения святого. Через эстетическое обретается святое, через сочувствие звучит голос совести, через явленность открывается бытийное. Рациональный же способ смыслообразования и стиль мышления воспринимается в таком типе культуры, как нечто не столь обязательное – как полезное, но не всегда и не в высшем значении. Рациональный порядок не является признаком человеческого достоинства, но только средством, к которому можно прибегать по ситуативной необходимости и в меру достаточности. Рациональный склад ума, манифестирующий смысловое самоутверждение, скорее осуждается, чем воспевается.

Традиция русской культуры выстраивалась в сложном взаимодействии оформившегося в византийской цивилизации культурно-смыслового типа с уже устоявшимися традициями славянского язычества. Ввиду изменения сакрального ядра традиции меняется ее центральная зона. Преимущественно образно-эстетическое (мифопоэтическое) наполнение традиции древних славян, синтезируя с культурно-смысловым типом, порождает иное содержание, уникальное и колоритное в сравнении другими цивилизациями, – фундамент будущей русской культуры. Обрядово-ритуальная система, обычаи и нравы славян – изменяемая часть традиции – становятся носителями и трансляторами уже другого опыта в развитии зародившейся цивилизации. Ключевые же смыслообразующие ориентиры задает христианство – православие, которое для русской культуры оказывается, той сверхценностью, без которой невозможно выстроить смысловой тип

данной цивилизации как целое. Религиозное начало пронизывает все три сферы упорядоченной иерархии традиционной русской культуры.

Здесь эстетическое мироощущение возводится, как правило, к мистической интуиции о таинственной красоте мироздания, о высоте человеческого духа. Чувственное само по себе не только не вдохновляет, но часто кажется вульгарным. Красота человека – это в меньшей степени телесные качества, а в большей – красота души; праздник – это больше восхищение духа, чем торжество дарованного изобилия, это больше экстаз, чем удовольствие. Красота важна не сама по себе, а в сочетании с высшей религиозно-нравственной сферой; образы искусства несут чаще не прямой и однозначный, а удвоенно-символический смысл, не внешне чувственное, а внутренне нравственное значение. Специфическая связь категорий мистического и эстетического проявилась в таких явлениях русской культуры, как аскетика, подвижничество – совершенствование человеческого духа в обретении им единства с Богом, где критерием является простота в сочетании с внутренней духовной красотой. Это и созерцательное постижение мира – не столько как предмета познания и освоения, сколько как восхитительного дара.

Рациональное начало, в свою очередь, пронизано как нравственно-мистическими, так и мистико-эстетическими интуициями и подчинено им. Рациональность в виде здравого смысла и рассудок как основа прагматики и выгоды не привлекают и почитаются низшими способностями ума, расчетливость чаще осуждается. Это сказалось в характерной нравственной направленности русской философской мысли, нередко сопряженной с художественным стилем изложения мысли. Нравственное чувство преобладает над правосознанием, совесть – над законом, милосердие – над волей. Простая мудрость ценится больше, чем сложное знание, в особом почете простота – вплоть до юродства. Горделивая поза высмеивается. Ценится не столько скрупулезное усердие, сколько смекалка и находчивость, успех дела мыслится не столько как результат логически выверенных действий, сколько как счастливая данность, которую надо уловить и не упустить. При этом такая третьестепенность рационального смыслового начала называется, надо признать, в хронической недостаточности рациональной стороны жизни исторически компенсируется заимствованиями в данной области, что характерно и для XVIII века, и для XIX века, и для XX века истории русской культуры.

Итак, культурно-смысловой тип – это и есть стержень, духовное зерно культурной традиции. Традиционные формы придают ему устойчивость, являются его носителями. Но и в меняющейся культуре, где традиционные формы в значительной мере утрачиваются, сохраняется типологически определенная структура смысла. И это позволяет почувствовать ее самобытность, уловить дух культуры, узнать ее лицо, сохранить ее идентичность в современных условиях глобализации.

В культурной традиции статика преобладает над динамичной трансформацией, что позволяет ей поддерживать стабильность в обществе. Однако развитие цивилизации, которая взаимодействует с множеством стран – других смысловых миров, активно перенимая их опыт, невозможно представить в жестких границах традиции. Культура – это не только нарратив значений, но и дискурс смысла. Чтобы развиваться и отвечать на вызовы истории, она вынуждена выходить за рамки традиционных форм, а иногда совсем отказываться от следования традиции, избирая вектор модернизации. Тогда, будучи устремленной на инновационные преобразования, она способна к забвению традиции. Но при этом культурно-смысловой тип сохраняется. Ведь он как раз и задает структуру смыслового дискурса, и не сводится к заданному нарративу. И он оказывается основой циклического типа развития: заимствования и прививки – это фаза (в той или иной степени) отклонения от культурно смыслового типа, а претворенное воссозда-

ние традиции – его возвращение, конечно, не в прямом значении реконструкции, а на новом витке развития.

Если представить себе, что вслед за утратой традиции или вместе с такой утратой исчезает и культурно-смысловая тип, то это, по сути, означает полную перекодировку культуры – точнее, ее полную замену на другую культуру – переход на другой язык, принятие другой веры. Одной новой социально-политической идеологии для такого радикального изменения явно не достаточно. История знает подобные примеры. Но это происходит только в виде масштабного, упорного и длительного насаждения иных культурных образцов и в полной мере срабатывает только тогда, когда образцы насаждаемой культуры намного превосходят по сложности и уровню своего развития автохтонный культурный мир, как, например, в случае конкисты и формирования культуры Латинской Америки на почве растворяющихся индейских этносов.

Одной из самых значимых форм поддержания и развития культурной традиции является язык – не просто знаковая система и инструмент общения, но и система выражения и понимания смысла. Формирование понятий, категорий, значений, синтаксических конструкций языка продиктовано ментальными и мировоззренческими особенностями народа. Именно комплекс взаимосвязи системы взглядов на мир и особенностей психологии нации как целостности определяет самобытность языка отдельного народа.

Язык – это целостная структура. Слова получают значения только в структуре целого. Смыслы культуры сосредоточены не только в слове как обозначающем, но и в схемах развития мыслей, закрепленных в языке. Собственно в языке не только выражается смысл, в нем заложены и механизмы образования смысла. Язык – это артикуляционная система, пронизывающая логику слагания мысли в той же мере, в какой логика как система понятий, пронизывает язык, воспринимаемый как средство выражения мысли. И эта принципиальная диалектика имеет силу не только в области вербального мышления, но и по отношению к образно-визуальному языку и к языку динамически-аудитивному, каковым является язык музыки. Более того, в области художественной мысли и художественного высказывания связь факторов выражения и собственно смысла более тесная, что позволяет даже говорить об «импровизации» смысла в стихии слагающегося языка художественного высказывания [9].

Язык – гибкая система разворачивания мысли. Ей также свойственна трансформация. С течением времени из обихода исчезают слова, понятия, выражения, появляются другие, порожденные временем и культурно-историческими условиями, меняется лексика. Неизменной остается система мышления, схема рождения смысла, запечатленная в языке. Именно эта сторона языка оказывает большее сопротивление при трансформации мировоззрения и сознания.

Надо обратить внимание, что язык – это и есть живая традиция: родной язык формируется и передается через устную практику и через непосредственное вовлечение в лингвопорождающую деятельность. И это такая форма традиции, которая никогда не прекращает своего характерного бытования – даже в тех условиях, когда многие другие формы традиции могут утрачиваться. При этом язык – это хранитель схем мышления, непосредственно связанных с самим смыслообразованием. Способы организации связного высказывания существенно различны в разных языках. Маркировка соотношения общего понятия и частного указания, акцентуация смыслообразующего центра и периферии, функции времен как выражения смыслообразующей перспективы мысли – все это определяет способности языков именно к образованию смысла, в координатах которого затем складывается и вся семантика значений, в итоге формируется концептосфера и проявляется языковая картина мира.

При этом несомненную смыслообразующую роль играют и такие способы организации высказывания, как интонационная динамика речи, фонетический план и даже настройка голоса, тоже весьма различные в разных языковых культурах. И это не просто этнические признаки – это также важные смыслообразующие инструменты, организующие мышление. К примеру, интонация не просто сопровождает выразительное развертывание значений языка, в ней производится акцентуация смысла, в ней отражена структура обращения, энергия повеления, вызова, вопроса, выражение иронии.

Можно догадаться, что интонация речи – это более древний и первичный инструмент выражения мысли – инструмент, который организует смысл, нежели собственно словесная семантика и логика слов-понятий. Слова-понятия – это новообразование первобытной культуры неолита, формировавшей на основе этой информационно-коммуникативной технологии мифологическое мышление. Но эта наиболее существенная информационно-технологическая революция в истории человечества происходила на фоне и на основе уже имеющейся системы выражения и артикуляции смысла – на основе интонационного мышления – системы, соответствующей магической культуре. Выражаясь упрощенно, музыка как способ выражения смысла и соответственно как способ артикуляции при образовании смысла в сознании была раньше и, более того, была основой для формирования первичной системы словесного мышления и вербальной коммуникации.

Итак, если язык как артикуляционная система образования смыслов в культуре – это непрерываемая структура, воспроизводящаяся традиционным способом и поэтому являющаяся носителем ментальности, то такой функцией обладает не только язык слов, но и невербальные языки, как вариант – язык музыки, который также способен выступать фактором сохранения и основой для воссоздания культурной традиции после длительного забвения.

Особенности восприятия мира, специфику образования смыслов запечатлевает на себе любая область культуры, имеющая свой язык выражения смысла и его понимания, и дающая возможность сообщения – изобразительное искусство, музыка, театр, кино. В произведениях искусства визуализируется взгляд на мир, жизненный опыт какой-либо культурно-исторической эпохи, которые вскрывают глубинные основы складывания смыслов нации. Именно особенность смыслообразования, характерная для культуры этноса или нации, отраженная в невербальных языках, позволяет идентифицировать национальную принадлежность продукта культуры – произведения искусства.

Искусство основывает свою выразительность и убедительную сообщимость на возможности организовать целостность смысла, рождающейся в переживаниях творца, но как бы предусмотренной данной культурой как характерной системой образования смыслов. В частности, музыка – это не только язык чувств, но и язык смысла, передающий, воссоздающий и выражающий саму целостность сознания в ее внутренней складываемости, в ее личностном строе – в ее нравственно-смысловой структуре.

Музыка, таким образом, это не просто язык души, это смысловая настройка сознания посредством звуковой энергии, способной эту настройку в себе нести. Музыкальный тон как смысловосущая энергия амбивалентен: он, с одной стороны, актуализирует самоидентичность человеческого переживания – внутреннее ощущение собственного «я» как пульсирующего экзистенциального события, а с другой – дает и ощущение «другого» – смысла привносимого извне, постигаемого или магически покоряющего. Игра и акцентуация этих сторон звука способна создать структурируемое пространство своего-другого, способное передавать смысл, образовывать смысл. Подобная феноменальная структура пронизывает и все более сложные уровни вырази-

тельных средств музыки: ритм может быть подчеркнута метричным (маршевым или танцевальным), вызывая тем самым ощущение акцентированного самоутверждения, а может быть гибким и прихотливым, «безразмерным» и непредсказуемым, выражая увлекающую как бы в иное измерение экстатическую переживания – ощущение *другого* как главного смыслового центра. Энергичное движение мелодической линии несет в себе энергию субъективной тревожности, страстности, неудовлетворенности субъективного чувства, стремящегося утвердить свою встревоженную идентичность. И напротив, постепенное текущее движение мелодии создает ощущение не просто душевного покоя, но как бы духовного самозабвения – отдания чувства волнам влекущего его смыслового «другого». Подобные смыслообразующие эффекты и их сложное взаимодействие прослеживаются и в ладово-гармонической организации, и в динамическом плане музыкальных высказываний, и на уровне формы музыкального произведения. Всё это, обратим внимание, не просто элементы и факторы выражения некоторых увлекательных чувств, а средства образования смысловых координат, в которые укладывается человеческое переживание, обретая характер духовных значений, столь различных для разных этнических культур – для духовных миров разных цивилизаций.

Формирование национального музыкального языка со специфичными формулами и схемами развития музыкальной мысли, с помощью которых можно определить причастность произведения к той или иной культуре, обусловлено особенностями смыслообразования в культуре. Музыкальный язык, понимаемый как система связи между звуками, наделенная определенным смыслом, формируется на протяжении длительного времени и вписывается в гармонируемую с их помощью жизнь культуры в целом, будучи связанной с событиями, имеющими для данного общества ценность и значимость.

Русский культурно-смысловой тип вполне проявился в облике национальной музыки. Это традиция характерной плавно увлекающей песенности при неразвитом начале ритмической организованности, танцевальности. Это преобладание плагальной (субдоминантовой) сферы над активностью тонико-доминантовых соотношений, это особенный нерегулярный ритм, тяготеющий к непредсказуемо переменному размеру, это вокальность звучания, преобладающая над инструментальностью. Это экстатика восхищенного чувства, молитвы или пляски вместо самоутверждающей поступи и напряженной страстности волевого и мятущегося самоутверждения. Иными словами, это органичная эстетика и своеобразная духовность, выраженная в характерной системе средств [10], а вовсе не только оригинальный традиционный колорит.

Корни национального музыкального языка русской культуры следует искать в древнерусском фольклоре и в православной музыке. Именно эти два направления музыкальной культуры Древней Руси – фольклор и богослужбное пение – воплощали русскую культурную традицию в звуке. Музыкальный фольклор – кладезь смыслов русского народа. Как порой говорят, это символический узел, в который стянуты силы космоса и ткань быта. С одной стороны, русский народ ощущает «простор», «даль», «ширь» своей необъятной Родины, с другой – он чувствует благодать, духовную глубину, любовь к Богу и ближнему. Весь музыкальный строй русского церковного пения – путь к эстетическому созерцанию гармонии мира божественного, лишённого суеты и страстей мира земного, к глубокому проникновению в духовные, божественные смыслы.

В музыкальном языке крестьянского фольклора и древнерусского православного пения запечатлены основные черты культурно-смыслового типа с их обращением к духовной красоте, интуитивному постижению смыслов мироздания, созерцательности и душевности – к базовым доминантам культурного своеобразия русского народа.

В русской музыкальной культуре, начиная с XVIII века, наблюдается сосуществование одновременно нескольких вариантов динамики культурной традиции. Это связано с тем, что сначала реформы Никона, а затем Петра I раскололи общество как бы на несколько «субкультур», в каждой из которых была разная степень приверженности музыкальной традиции, разные условия ее существования и развития. Условно можно выделить четыре такие сферы русского общества: 1) неаристократические слои (крестьянство, купечество, посадские люди, казачество и другие сообщества провинций России); 2) старообрядцы; 3) церковная культура, развивающаяся в русле изменений, начатых Никоном; 4) светская культура, изначально прививавшаяся в аристократических кругах и затем распространившаяся на широкие слои горожан и в той или иной степени отрывавшаяся от культуры религиозной и начинавшая свой обособленный путь развития.

В крестьянской среде, в провинциальных регионах России и в среде старообрядцев культурная традиция бытовала в таких вариантах, которые можно было считать сохраняющими образцы изначального предания. Это положение имеет прямое подтверждение в отношении музыкальной певческой традиции. Крестьянский, а также провинциально церковный певческий фольклор оказались главными источниками воссоздания русской музыкальной традиции для фольклористов и композиторов XIX–XX вв.

Традиция же столичной, а затем шире, – городской – церковно-певческой культуры, начиная с XVII века, стремительно трансформируется, искажается и утрачивается в своем исконно русском варианте к XVIII веку. Изменения, происходившие в этой сфере русской культуры, были стремительны и разнонаправлены. В результате мировоззренческой дезориентации меняется отношение к богослужебному пению среди самих распевщиков – в той категории общества, которая непосредственно передавала традицию церковного пения из поколения в поколение. Певцы учатся на образцах партесного пения, пришедших из Малороссии и Литвы как результат влияния цивилизационного Запада. Появляется больше свободы, индивидуального, личностного начала в трактовке и исполнении напевов. Это приводит к трансформации мелодического строя церковных напевов и принципов их построения, что меняет образно-эмоциональное настроение песнопений, лишая их прежней символически-смысловой нагрузки.

Утрате традиции русского церковного пения способствовало распространение партесного многоголосия. Это был перелом в русской церковно-певческой культуре. Природа музыкальной системы западноевропейской музыки совершенно иная. В русской музыкальной системе доминировало песенное, плавно-мелодическое начало, определявшее строй и характер песнопения; музыкальная мысль (как в народном фольклоре, так и в церковном пении) развивалась горизонтально, линейно и представляло собой одновременное сочетание разных вариантов одного напева. Природа европейской музыки Нового времени иная. Здесь доминирующее начало отводится гармонии – согласованной рациональной вертикали музыкальных звуков. Широта, свобода мелодического дыхания, свойственные русскому исполнению, заменились четкостью ритмической организации, подчиненностью единому музыкальному размеру. Суровость, сосредоточенность и выдержанность в исполнении знаменного распева сменились широкой палитрой чувств и эмоций партесного пения. Теперь главная задача распевщика – не создание молитвенного настроения, атмосферы отрешенности и безмятежности божественного мира, а пристальное внимание к красоте и качеству самого музыкального звука. С привнесением в русскую песенную культуру партесного стиля традиция русского церковного пения к XIX веку практически прекращает свое существование (за исключением среды старообрядцев и манеры пения отдаленных северных монастырей).

Заметные изменения, произошедшие в музыкальной культуре во второй половине XVII – первой четверти XVIII веков, доказывают тесную взаимосвязь языка как внешней формы традиции с ее внутренним содержанием. Чрезмерно быстрое наполнение новыми элементами, формами, схемами, не адаптированными под сложившуюся языковую систему, приводит к потере связи со смыслами культуры, обесцениванию символического содержания, разрыву с традицией и потерей национальной идентичности.

Светская культура – та область культуры, которая только начинала складываться и достижение которой впоследствии стали символами русской национальной культуры в мировом сообществе. Именно эта область культуры, несмотря на кажущееся противоречие, ярко демонстрирует степень утраты русской культурной традиции.

Понимание музыки прежде всего как автономного вида искусства, а не как элемента целостности храмового действия, начинается с XVII века через знакомство с европейской музыкальной культурой, а затем и активного ученичества у композиторов Европы. Фундамент музыкальной традиции светской культуры имеет своим источником сложившиеся нормы западной музыкальной системы. Путь ученичества у Европы, продлившийся более двух веков – с середины XVII по XIX столетие – сменяется периодом самоопределения русской культуры. XIX же век отмечен активным поиском основы, на которой можно было бы сформировать национальный музыкальный язык, адекватно выражающий ценности и смыслы родной культуры, а затем и гармоничного синтеза с приобретенным в результате учения европейского музыкального фундамента. Эта основа была обнаружена в лоне народного музыкального фольклора. Осмысленный путь обогащения светской русской музыки народными мелосом начинается с М.И. Глинки и продолжается его последователями – композиторами «могучей кучки», П.И. Чайковским. От простого использования цитат, мелодико-ритмических оборотов, интонаций, характерных для народного музыкального фольклора, они приходят к обобщенному тематизму и выработке оригинальной национальной системы развития музыкальной мысли. Впрочем, в плане воссоздания традиции творчество этих композиторов склоняется к характерной романтической модернизации оригинальных народных мотивов и проходит мимо возможной реконструкции аутентичных форм.

Другой тип претворения традиционных форм и стилей проявился у ряда представителей следующего поколения русских музыкантов. Всплеск интереса к подлинному древнерусскому наследию наблюдается в конце XIX – начале XX века. В этот период взору современников открывается еще одна сторона русской культурной традиции – стили древнерусского религиозного искусства. В это время, порой называемое русским религиозным ренессансом, не только исследуется русское религиозное наследие, но и на основе обнародованных знаний предпринимаются попытки воссоздания этой утраченной традиции. Диапазон воссоздания традиции в это время весьма широк. Максимально близко к аутентичному варианту религиозной традиции приблизились композиторы нового направления русской духовной музыки (А.Д. Кастальский, П.Г. Чесноков, А.Т. Гречанинов, С.В. Рахманинов и др.). Они основывались на расшифровке знаменных и других распевов, реставрировали их и стремились творить новые произведения, придерживаясь рамок религиозного канона. Продолжали становление традиции академической музыки, используя новые знания, композиторы-классики И.С. Танеев, С.В. Рахманинов, А.К. Лядов. Светские и духовные произведения этих композиторов – новая ступень органичного синтеза достижений классической школы с русской народной и церковной музыкой.

Творчество же И.Ф. Стравинского – пример обращения к внешней стороне традиции через использование интонаций, мотивов, ритмоформул. Этот прием стилизации,

когда композитор не затрагивает внутреннее содержание, некогда вложенное в используемый им музыкальный язык, активно использовался И.Ф. Стравинским на раннем этапе творчества (балеты «Жар-птица», «Петрушка»). Здесь тоже имеет место характерная модернизация традиционных мотивов, служащих для автора точкой опоры для создаваемого им стиля неоварваризма. Стилизация, а затем и полистилистика заметно приближает творчество И.Ф. Стравинского к некоторым установкам эстетики постмодерна.

Претворение музыкальной традиции русского народа характерно и для советского периода. Там мы сталкиваемся как с неоромантической трактовкой культурных смыслов (например, в творчестве Г.В. Свиридова), так и с характерным псевдорусским (или псевдонародным русским) стилем советских композиторов-песенников. Реконструкция же аутентичных форм и образцов – это, скорее, достояние исканий позднесоветского и постсоветского времени.

Таким образом, в процессе воссоздания русской музыкально-культурной традиции, охватывающем ряд периодов XIX–XXI вв., можно установить исчерпывающий спектр типологии соотношения аутентичной реконструкции и модернизации в претворении и истолковании культурно-смысловых образцов.

Выводы

Одним из главных факторов антропологической и социальной идентичности является наличие культурной традиции. Именно благодаря этой форме исторической трансляции опыта осмысления система координат культуры сохраняет самоидентичность, а культурная динамика обретает качество имманентного развития. Традиция – основополагающая форма культуры, обеспечивающая ее жизнеспособность и стабильность как развивающейся системы, духовным зерном которой является культурно-смысловой тип. Именно этот фундамент определяет рождение смыслов культуры и позволяет сохранить ее уникальность и идентичность в динамике истории; служит основой для воссоздания традиции как в приближенном к ее аутентичному варианту, так и ее элементов. Закрепляясь в таких системах культуры как язык, искусство, культурно-смысловой тип, по сути, никогда не исчезает полностью, и это дает возможность сохранять культурное своеобразие цивилизации, в том числе и прибегая порой к воссозданию утраченных традиционных форм.

Положение традиции в культуре меняется от эпохи к эпохе. Свойственные культуре процессы преемственности и заимствования достижений иных национальных культур нередко настолько трансформируют коренные устои родной культуры, что происходит упразднение ее национальных обычаев, забвение идеалов и ценностей, утрата специфики. Такие периоды, как правило, сменяются периодами поиска культурного самобытного основания, периодами особого интереса к национальному наследию прошлых столетий и попытками восстановить исконную культурную традицию. Такими периодами в русской культуре были конец XIX – начало XX вв. и конец XX – начало XXI вв. Эти этапы развития русской культуры отмечены неподдельным интересом к самобытному русскому наследию, православной мудрости и религиозным ценностям. Яркие примеры проявления такого интереса можно найти в истории русской музыки этого времени. Причем именно в музыке можно наблюдать различные типы претворения традиционных форм и стилей при их воссоздании – от тонкой стилизации до существенного переосмысления и очевидной модернизации традиционных стилизованных мотивов.

Важно подчеркнуть, что традиция – это не только форма преемственности и фактор трансляции культуры, но и стержневое основание развития культуры, так как она

содержит в себе аспект активного восприятия, предполагает момент претворения и включает такой вариант воспроизведения, как воссоздание после частичной утраты. Трансляция культурных смыслов через традицию знаменует такой способ развития, где доминирует идентичность и проявляются черты цикличности.

Традиция выступает, с одной стороны, сдерживающим фактором при натиске и активном влиянии другой культуры, являясь своеобразным фильтром; с другой стороны, позволяет гибко меняться, претворяя исторически необходимо заимствуемые формы в формы обновления и развития самобытной культуры.

При этом основой для воссоздания традиции служит культурно-смысловой тип, содержащий способы смыслообразования, определяющий рождение смыслов культуры и их идентичность в историческом времени. Носителем же идентичности и качественного своеобразия такого типа – при утрате многих традиционных форм – выступает язык.

Язык как артикуляционная система образования смыслов в культуре – это непрерываемая структура, воспроизводящаяся традиционным способом и поэтому являющаяся носителем ментальности и фактором сохранения и основой для воссоздания культурной традиции после длительного забвения. Такой функцией обладает не только язык слов, но и невербальные языки (как вариант – язык музыки).

Главными факторами мотивации к воссозданию традиционных форм являются поиск и утверждение идентичности на основе поддержания смысловых основ культурного типа. Поскольку воссоздание форм культурной традиции включает фактор активной интерпретации, в этом процессе сталкиваются и взаимодействуют мотивы творческого претворения и модернизации наряду с мотивами собственно воссоздания при стремлении к аутентичности. И это взаимодействие порождает разные варианты соотношения: от реконструирующей стилизации, воссоздающей дух культурно-смыслового типа, до глубокого переосмысления, при котором оригинальные традиционные формы обретают значение трансформируемых мотивов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мамедова Н.М. Философский дискурс традиции: генезис и современность // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки». – 2017. – № 3 (23). – С. 46–51.
2. Михайлова Е.Е. Преемственность культурной традиции в свете воззрений современных отечественных и зарубежных теоретиков // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». – 2017. – № 3. – С. 48–54.
3. Andersen P.D., Rasmussen L.B. The impact of national traditions and cultures on national foresight processes // Futures. – 2014. – № 59. – P. 5–17.
4. Мамедова Н.М. Традиция и культурная идентичность // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Философские науки». – 2016. – № 1 (17). – С. 10–15.
5. Aristova N. Rethinking cultural identities in the context of globalization: linguistic landscape of Kazan, Russia, as an emerging global city // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2016. – № 236. – P. 153–160.
6. Малыгина И.В., Ярошенко Н.Н. Традиция и идентичность в сценарии глобального проекта // Культура и образование. – 2016. – № 4 (23). – С. 9–13.
7. Романова А.П. Традиции и инновации с позиции культурной безопасности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1. – № 2 (67). – С. 3–12.
8. Ланкин В.Г. Россия: смысловой космос культуры. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2018. – 248 с.
9. Ланкин В.Г. Взаимодействие принципов логики и языка в смысловой организации художественного мышления // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2001. – Вып. 3. – С.14–22.
10. Ланкин В.Г., Ланкина Е.Е. Смысл и язык духовной музыки православной традиции // Вестник ТГПУ. – 2011. – Вып. 13 (115). – С. 247–253.

Поступила: 03.11.2018 г.

UDC 316.733:39:572.028

**THE GROUNDS AND THE PROBLEMS OF RECONSTRUCTION OF NATIONAL
CULTURAL TRADITION SASA FACTOR OF ANTHROPOLOGICAL IDENTITY IN CON-
TEMPORARY RUSSIAN SOCIETY**

Elena S. Vlasova,
Zhdanova1987elena@mail.ru

Vadim G. Lankin,
lankinvg@mail.ru

Tomsk State University of Architecture and Building,
2, Solyanaya sq., Tomsk, 634003, Russia.

Elena S. Vlasova, postgraduate student Tomsk State University of Architecture and Building.

Vadim G. Lankin, doctor of Philosophical Sciences, Professor, Tomsk State University of Architecture and Building.

The relevance: Modern processes of intensive cultural dynamics call into question the preservation of cultural continuity and anthropological identity. Meanwhile, the awareness of semantic and, accordingly, cultural identity is the basis of human well-being, expressed in indices of personal development potential. At the same time, one of the main factors of anthropological and social identity is the presence of cultural tradition. It is thanks to this form of historical translation of the experience of understanding that the system of coordinates of culture retains identity, and cultural dynamics acquires the quality of immanent development. **The aim of the work** is to give a philosophical and cultural substantiation to the phenomenon of reconstruction of traditional forms of activity after a long period of their oblivion and loss and to comprehend the specific problems that arise in modern society in the processes of such reconstruction: aspects of motivation and grounds for continuity, authenticity and stylization, imitation and creative implementation, adequate semantic interpretation and modernization. **Methods:** conceptual analysis, typological systematization, comparative methods. **The study conclusions:** On the one hand, tradition represents a limiting factor to the pressure and the active impact of another culture, as a kind of filter. On the other hand, tradition allows a culture to change in a gradual way, adopting and creating the necessary forms of cultural content to update and development this culture in general. The tradition is a transmitting way of cultural samples and meanings, creating by a unique culture-sense type. This culture-sense type allows explaining the recognition and stability of a culture during a long historical period. The culture-sense type is the basis for restoration the tradition. Language, as the cultural system of making and interpreting meanings, is seen as a factor of conservation and restoration of cultural tradition after a long period of neglect. This function has not only the language of words, but also non-verbal languages, and, alternatively-the language of music.

Key words: tradition, culture-sense type, sense-formation, language of art, identity, Russian music.

REFERENCES

1. Mamedova N.M. Filosofskiy diskurs traditsii: genesis i sovremennost [Philosophical discourse of tradition: genesis and modernity]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Filosofskiyе nauki"*, 2017, no. 3 (23), pp. 46–51.
2. Mikhailova E.E. Preemstvennost kulturnoy traditsii v svete vozzreniy sovremennykh otechestvennykh I zarubezhnykh teoretikov [Continuity of the cultural tradition in the light of the views of modern domestic and foreign theorists]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filosofiya"*, 2017, no. 3, pp. 48–54.

3. Andersen P.D., Rasmussen L.B. The impact of national traditions and cultures on national foresight processes. *Futures*. 2014, no. 59, pp. 5–17.
4. Mamedova N.M. Traditsiya i kulturnaya identichnost [Tradition and Cultural Identity]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Filosofskiyе nauki"*, 2016, no. 1 (17), pp. 10–15.
5. Aristova N. Rethinking cultural identities in the context of globalization: linguistic landscape of Kazan, Russia, as an emerging global city. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016, no. 236, pp. 153–160.
6. Malygina I.V., Yaroshenko N.N. Traditsiya i identichnost v stsenarii globalnogo proekta [Tradition and identity in a global project scenario]. *Kultura i obrazovanie*, 2016, no. 4 (23), pp. 9–13.
7. Romanova A.P. Traditsii i innovatsii s pozitsii kulturnoy bezopasnosti [Traditions and innovations from the perspective of cultural security]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya*, 2015, vol. 1, no. 2 (67), pp. 3–12.
8. Lankin V.G. *Rossia: smyslovoy kosmos kultury* [Russia: the semantic cosmos of culture]. Tomsk, TSUAB Press, 2018. 248 p.
9. Lankin V.G. Interaction of logic and language principles in semantic organization of artistic thinking. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2001, Issue 3 (28), pp. 14–22. In Rus.
10. Lankin V.G., Lankina E.E. The sense and the language of spiritual music of orthodox tradition. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2011, Issue 13 (115), pp. 247–253. In Rus.

Received: 3 November 2018.